

СОЦИОНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 159.923.2+929

Соломко Л. Р.

СТАРЕЦ ВАРСАВА

Взаимодополняющими методами соционической диагностики на основе анализа биографических источников показана принадлежность украинского мыслителя Григория Сковороды к ТИМу **этико-интуитивный интроверт (ЭИИ)**.

Ключевые слова: ТИМ, соционический тип, биполярные признаки Юнга, функции модели «А», квадры, интертипные отношения.

Світ ловив мене, але не спіймав¹

Г. С. Сковорода

Введение

Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) — украинский философ, просветитель и поэт, известный оригинальностью мышления и способа жизни. «Старец» и «Варсава» (сын Саввы) — так называл он себя лет с 45-ти.

Г. Сковорода был всесторонне одаренным человеком. Он хорошо рисовал, играл на различных музыкальных инструментах, постоянно сочинял музыку и песни и обладал чудесным голосом. Его фигура считается соразмерной гуманистам эпохи Возрождения. Среди своих соотечественников, писал Д. Багалея, «мы не можем назвать никого, кого можно было бы поставить рядом с его интеллектом, смелым творческим умом, философской мудростью и, наконец, с величайшей силой воли и характера в сотворении своей жизни, согласно собственным взглядам на то, как ее нужно творить для общего блага и счастья» [1].

Он был одним из тех мыслителей, которые прожили жизнь в полном соответствии со своими философскими взглядами, поэтому мы не будем здесь углубляться в его многочисленные труды, диалоги, стихи и басни, основная мысль которых «Человек есть сердце» выражает, на наш взгляд, программную этику.

Как известно, этик максимально ориентирован на человека, его ценностные представления, интересы [2]. В центре философии Сковороды — именно человек с его бедами, тревогами, рабской зависимостью от власти и прочее имущих (в пору его жизнедеятельности еще существовало крепостное право). Его волнуют вопросы добра и зла, любви, дружбы и ненависти, этические и моральные проблемы. Сковорода известен также своим учением о «сродном», т. е. соответствующем врожденным способностям, труде. А для того, чтобы узнать свои врожденные способности, человек должен познать себя: **«Пізнай себе — це заповідь, альфа й омега наша, коли не хочемо зійти в ніщо і стати справжнім бидлом!...»**² [3]. О себе он знал: «Хліборобство не властиве моїй натурі...»³ [там же].

Его нисколько не интересовала и духовная карьера, поэтому, получив блестящее классическое образование в Киево-Могилянской духовно-светской Академии (1738-41, 1744-50), он избрал путь странствующего проповедника-философа. Изредка преподавал философию и поэтику и нигде подолгу не задерживался. Не мог изменить самому себе, своим взглядам, даже встретив любовь: ведь от него ожидали обычного для главы крестьянской семьи поведения, а он ратовал за «сродный труд», за то, чтобы каждый занимался тем, для чего он рожден. Путешествия еще имели цель и давали возможность максимально отойти от жизненных второстепенных хлопот, реализовать духовный поиск «настоящего» человека [6].

¹ Мир ловил меня, но не поймал.

² Познай себя — это заповедь, альфа и омега наша, когда не хотим сойти в ничто и стать настоящим скотом.

³ Земледелие не свойственно моей натуре.

Творчество Г. Сковороды занимает главное место и в истории развития художественной литературы, философской и педагогической мысли в Украине в эпоху феодализма. Будучи знаменитым гуманистом и просветителем, он гневно осуждал общественную систему того времени, отстаивал права трудового народа на свободу. Творчество Сковороды сыграло значительную роль в становлении новой украинской литературы, демократического мировоззрения ее представителей.

Большую часть жизни Сковорода провел среди простого народа. Он странствовал по Левобережной Украине, по городам и селам России — в Воронежской, Курской и Орловской губерниях. Где бы ни появлялся странствующий писатель и философ, везде он находил любовь и признание трудящегося люда.

Биограф Г. Сковороды Д. Багалея считал, что поскольку «гений его вырос и выкристаллизовался на родной национальной почве, его философия, его мудрость имели универсальный, всемирный характер» [1].

1. Несомненно, этик

«Щирість» — главный принцип жизни и философии Г. Сковороды, краеугольный камень мировоззрения. Сам Сковорода использовал древнеславянское соответствие этого слова — искренний, сердечный, преданный, близкий. «Человек есть сердце. Сердце есть голова внешностей твоих. А когда голова, то и сам ты есть твое сердце». И вообще Сковорода рассматривает человека как рожденного на добро [4]. Соционические же «логики» от такого взгляда далеки [5].

У него счастье — главная цель жизни человека, а самопознание — одно из средств достижения этой цели. Идеей познания себя, человека, проникнута вся философия Г. Сковороды: «Познай себя», «Посмотри в себя»... «Отсюда, — писал Д. Чижевский, — и признание равноценности различных человеческих типов и человеческих индивидуальностей. Отсюда и своеобразная теория «неравной равенности» людей относительно их моральной и религиозной жизни» [6].

Общение с крестьянами, их горькие раздумья о тяжелой подневольной жизни, их вечные мечты о свободе, счастье, красоте человеческих взаимоотношений угнетающе действовали на чуткого к человеческому горю Г. Сковороду. И его поэтические сочинения полны глубоких философских раздумий о смысле жизни, смерти, счастье, предназначении человека. Как известно, *логику* в гораздо меньшей степени присущ интерес к человеческим чувствам, взаимоотношениям, а если он и возникает (у А. Аугустинавичюте, Юнга), то он больше познавательный, сам объект интереса эмоционально на исследователя не воздействует.

Язык сочинений Г. Сковороды труден для восприятия современного читателя, т. к. в них использовались старославянский, русский, украинский и даже латынь. Однако, замечает Д. Багалий, они полны глубокой философской мудрости и обобщений. Это душевная драма лирического героя, переполненного внутренней тревогой и борьбой [1]. Все вышеуказанное позволяет увидеть в Г. Сковороде представителя клуба «гуманистов» — *интуитивных этиков*, больше того — меланхолика с его низким порогом ощущений и большими способностями к эмпатии.

Размышляя об оригинальности мышления Сковороды, Д. Чижевский отмечает: «Философский стиль Сковороды — это своеобразный поворот философского думанья от формы мышления в понятиях к какой-то первичной форме мышления — к мышлению в образах и через образы. Он возвращается от терминологического использования слов к символическому их использованию. Сковорода приспособливает богатство философской терминологии к своему стилю думанья: понятия становятся символами». Совершенно очевидно, что это недоумение логика в отношении «чужеродного» стиля мышления.

2. Интуит, не сенсорик

Сковорода — вдумчивый психолог, наделенный глубокой интуицией, благодаря которой он умел проникать в душу человека и распознавать с первого взгляда его внутреннюю «стоимость», — читаем у А. В. Мисуно [7]. Он же приводит цитату из диалога Г. Сковороды «Алфавит мира», говорящую о психологической проницательности того. «Ото я бачу перед собою двох людей, що роблять одне й те саме діло. Але з цієї души родисьмя миле, а з тієї — немиле діло. Ця людина дрібною послугою втішає, а та й дорогим подарунком прикро вражає. Ця особа може гніватися, насміхатися і навіть лаяти, одначе все це приховує в собі миле, а в тієї навіть ласкавість дише таємною відразою. Осуд цієї людини дає більше насолоди, ніж хвала тієї»⁴ [7].

Много свидетельств в пользу того, что Сковорода был *интуитом*, не *сенсориком*, имеется в биографических изданиях. Догадки, предчувствия, учет прошлого и заглядывание в будущее, предпочтение науки, теоретизирования простому крестьянскому труду, практике пронизывают всю его жизнь: «Его душа была наполнена предчувствием чего-то нового, радостного». «Он видит мир, прошлое и заглядывает в будущее». «Знал наперед, что «з цього дива не буде пива». «Был уверен, что в будущем его жизнь приобретет новый смысл и значение». «Тревожное и радостное предчувствие каких-то перемен в его прихотливой судьбе заливало грудь...». «Студенты слушали (его урок поэтики — Л. С.), как зачарованные, да и сам он **был не на земле**, не под тяжелым сводом аудитории, **а в царстве духа**, в макрокосме богини мудрости. **Был недоволен** своей зажатостью, своим жгучим стремлением отдать ученикам за два часа все, что сам собирал годами на Родине и в чужих краях». «Вы, наверное, хороший доктор: будто в воду глядите...» [все — 3].

Его перу принадлежат также басни, в которых он реализует свою программную функцию с помощью черной интуиции (ЧИ):

«У селі в господаря жило двоє собак. Якось повз двір той трапилося їхати незнайомому. Один собака вибіг і гавкав доти, доки чоловіка й видно не стало. «І що тобі від того прибуло?» — спитав завзятого товариш. — «Принаймні я розважився...». — «Адже не всі проїжджі, — сказав розумний пес, — такі, що їх слід вважати за ворогів господаря... Бути собакою — то непогане діло, погано гавкати на всіх підряд...»⁵ [Там же].

Как уже было показано, одной из основных идей Сковороды было учение о «среднем труде». И, конечно, это не случайно: он очень много путешествовал, странствовал, и именно ▲ в блоке ЭГО позволяла ему видеть: «Все играют роли и часто не те, что могут, для которых они рождены» и «Иногда в лохмотьях ценный скрывается камень» (там же).

Все следующие цитаты из этого же романа о Сковороде и собственные его высказывания говорят о сильной интуиции в активном блоке с логикой, но никак не о сенсорике.

«У него сокровище в груди, которое он должен отдать людям, сделать их душой, мозгом зрячими, научить думать и познавать себя, природу, вселенную». «Позор, трагедия — мы разучились мыслить!». «Человек должен мыслить и познавать мир... Cogito, ergo sum. Смерть настает тогда, когда перестанешь мыслить и превратишься в бессловесное, немое существо, с которого каждый может содрать шкуру себе на сапоги».

«Мы вроде пчел. Собираем нектар мыслей по всем уголкам и сносим в общий улей человеческого ума...». «Закованный в кандалы ума, который стремится все познать, найти Великую Правду и дойти до сути, до потайной истины не только мира, космоса, но и самого

⁴ Вот я вижу перед собой двух людей, делающих одно и то же дело. Но из этой души родится милое, а из той — немилое дело. Этот человек мелкой услугой радуется, а тот и дорогим подарком неприятно поражает. Эта личность может гневаться, насмехаться и даже ругать, но это все подразумевает в себе милое, а у той даже ласковость дышит тайным отвращением. Осуждение этого человека дает больше наслаждения, чем похвала того.

⁵ В селе у хозяина жили две собаки. Как-то мимо того двора случилось ехать незнакомцу. Одна собака выбежала и лаяла до тех пор, пока человека и видно не стало. «И что тебе с этого прибыло? — спросил завзятого товарища. «По крайней мере я развлекся...». — «Ведь не всех же проезжающих. — сказал умный пес, — нужно считать врагами хозяина... Быть собакой — это неплохое дело, плохо лаять на всех подряд».

себя». «Докажем, что главное в человеке не плоть, а мысль!». «Желал целиком отдаться своим вселенским раздумьям».

Характерно для него и интуитивное «погружение»: «Увидев, что их учитель, этот аскет и книжник, говорит с богом, не замечая своих бывших учеников...».

Человек в сочинениях Сковороды, будучи глубоко индивидуализированным и персонифицированным естеством, бездной стремлений, порывов, поступков, является одновременно олицетворением всего человечества как планетарного явления. Это взгляд (видение человека и столь глобальные обобщения) *черного интуита*. Поэтому не менее, чем смыслом земного существования личности, он интересовался осевыми основами жизни, основами мироздания. Он мыслил человека в единстве с космическим и божественным универсумом, к которым он относится, устремляясь по зову своей душевной природы и открывая в себе божественное начало.

«Воитель Возможного»⁶ называют Сковороду исследователи его творчества [4].

В труде [4] находим также: «Сковорода — один из первых больших критиков мещанско-потребительского подхода к жизни с его культом вещей и будничных потребностей...». Положение человека в обществе, по убеждению философа, должно определяться не родословной, богатством или чинами, а «сродностью»: «Несродный труд разрушает человеческую совесть, приносит величайший вред обществу». Именно *интуит* тянется к науке: «Наука, научное познание являются одними из главных предпосылок достижения счастья. Уже в процессе самого познания заключается источник настоящего наслаждения и морального удовлетворения человека, систематически стремящегося углубиться в суть вещей и общественных отношений, познать самого себя, свое место и призвание».

Еще в XVIII веке теория сродности Гр. Сковороды утверждала, что сродность — это что-то наперед определенное и что в каждом человеке есть одна какая-то главная способность. Она правильно фиксировала кричащее расхождение между формально выполняемой тем или иным человеком (в антагонистическом обществе) работой и настоящими его возможностями.

Сковорода был убежден, что принцип «сродного» труда должен лежать в основе общественного лада.

3. Безусловно, интроверт

Ничто в жизни и деятельности Сковороды не дает возможности «заподозрить» в нем *экстраверта*. Он не стремился быть в центре внимания, не искал широкого общения, известности. Значительное место в учении, взглядах Сковороды занимает понятие свободы, стремление к ней, призыв к ней. Своим долгом и обязанностью, «сродным» трудом считал просветительство, философские раздумья, сочинение диалогов, стихов, песен, обучение поэтике, философии — тому, что знал и умел сам.

А вот и соответствующее стихотворение:

«Здравствуй, любий мій спокою!

Ти навіки уже мій!

Добре буде нам з тобою:

Ти для мене, а я — твій»⁷ [3].

«Вы живете в пуще и сторонитесь попов, панов и вообще общества, мира», — говорили ему [там же]. О том, что Сковорода всегда отдалялся от знатных особ, больших сообществ и чиновных знакомств, свидетельствует и М. Ковалинский. «Он любил быть в малом кругу непринужденного общения с людьми откровенными, отдавал предпочтение чистосер-

---

⁶ Воитель Возможного.

⁷ «Здравствуй, дорогой мой покой!

Ты навеки уже мой!

Хорошо будет нам с тобой:

Ты для меня, а я — твой!».

дечной приветливости, на собраниях всегда занимал последнее место, ниже всех, и неохотно вступал в беседу с незнакомыми, кроме простоллюдинов» [15].

Он «привык на все смотреть по-философски сдержанно» [3]. А также «не гоняется за суетой и славой, а стремится жить тихо, не обижая никого на свете и не давая себя в обиду» [там же]. «Сковорода требует некоторого освобождения от случайности обстоятельств внешнего мира», — считает Д. Чижевский [6].

«Возле Харькова есть место, называвшееся «Гужвинское», покрытое хмурым лесом, посередине которого была пасека с одним домиком. Здесь и поселился Григорий, спрятавшись от наговоров житейских и злословия духовенства» [15].

Чувствуя изначальную надломленность бытия, ведущую к страданию сердца, духовной печали, за которыми спрятаны страх и беспокойство, Г. Сковорода видит выход в достижении внутренней свободы независимо от внешнего мира, в обращении внутрь себя, преодолении страстей. Целью жизни для него становится радость и веселье сердца, внутренний мир и крепость души. Достижение этого блаженного состояния и было для Сковороды целью и искусством жизни, философией [7].

Не многие знали его таким, каким он действительно внутренне был [15].

«Из Харькова снова отбыл он в Гусинку, любимое свое одиночество» [там же].

4. Рационал или иррационал?

Общий признак обоих *рациональных* типов (*логиков* и *этиков*) — это то, что их жизнь в высокой степени подчинена разумному суждению [8]. «Правда, свойство *рациональности-иррациональности* может по-разному проявляться для *логиков* и *этиков*. Эмоциональность *этиков* часто приводит к тому, что они, даже будучи *рационалами*, все же могут идти к поставленной цели не прямо, а «зигзагами». *Эмоции* их постоянно «заносят» в сторону, в связи с чем их поступки выглядят хаотичными. Такое поведение на первый взгляд может показаться иррациональным... Хрестоматийно *рациональные* типы — это *логики*» [9].

Дихотомия «*рациональность-иррациональность*» — это блестящий отличительный признак, т. к. он заметно проявляется во внешнем облике. У *рационалов* черты лица более четкие, резко очерчены, и именно такие черты презентуют нам все известные портреты Гр. Сковороды. Кроме того, если предположить, что Сковорода мог быть *иррационалом*, то тогда следует выбирать между «квазитождиками» ЭИИ и ИЭИ. Однако следующие наблюдения выдают *рационала*: «Его угнетали явления, события, поступки, которые вытекали из хаоса. Хуже всего зло непостижимое, непонятное, без какой-либо логики» [3].

Кроме того, основная масса исследователей его жизни и творчества считала: «Теория познания Сковороды рациональна в своей основе» [4, 7]. «Жизненное поведение Сковороды целиком основывалось на синтезе эмоциональной и рациональной сфер жизни человека». Философ жил именно так, как ему подсказывала его собственная сущность. Свою философскую систему он творил с голоса этой сущности, а не по чьему-то заказу [10].

На наш взгляд, приведенные свидетельства в пользу *рациональности* Г. Сковороды достаточно весомы. Остается обратить внимание на то, как он поступил со своей невестой. Поразмыслив о том, что его будущим детям придется жить в обществе, в котором он не сможет их защитить [3], он в последний момент (уже в церкви) отказался от женитьбы.

5. Принадлежность к квадре

Рассмотрим ценности квадр с *интуитивными этиками* — 2-й и 4-й, а заодно уточним *рациональность-иррациональность* Г. Сквороды. Так, ему был «свойствен глубинный демократизм (который проявлялся в обостренном чувстве сопереживания) с присущими чертами элитарности и духовного **аристократизма**» [4]. Т. е. здесь мы обнаруживаем полюс признака Рейнина «*аристократизм-демократизм*», присущий обоим квадрам.

Согласно [11], движущим мотивом *бета*-квадралов выступают, как правило, стремление достичь благосостояния, сделать карьеру и другие честолюбивые замыслы. Ясно, что ничего похожего нет у непритязательного странствующего философа. Напротив, он утверждает, что «От серебра и золота теряют часто разум и вообще человеческое подобие. Вот это трагедия! И только новый человек, познающий себя и мир, очистится и глянет просто и весело на все сокровища в мире, как нынче мы смотрим на цветущие луга» [3]. Не однажды Г. Скворода имел возможность сделать духовную карьеру, стать монахом (его почитали почти за святого), но на подобные предложения резко отвечал: «Разве вы хотите, чтобы я умножил ряды фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте» [там же]. То есть все эти радости были не для него.

Далее. В квадре «*Бета*» средством достижения цели не выступает ориентация на индивидуальность и межличностные отношения: «Человек выступает лишь инструментом достижения сознательной цели» [11]. Как можно было уже заметить, Г. Скворода ориентировался именно на индивидуальность и межличностные отношения во всей своей жизнедеятельности.

Обратимся к другой «аристократической квадре» — «*Дельта*». *Интровертный гуманистический* этой квадры — ЭИИ, ♣▲, призывающий к тому, чтобы «учитывались способности человека и давалась работа по его силам и возможностям» [11]. Поскольку одна из основных идей философии Г. Сквороды — это учение о «сродном труде», с учетом предыдущих рассуждений уже можно сделать вывод, что он и есть тот самый *этико-интуитивный рациональный интроверт*, *этик* 4-й квадры. Особенность этой квадры, как известно, — внимание именно к конкретному человеку, создание ему условий для работы и саморазвития. Вот и Г. Скворода «...осуществлял поиск перспектив усовершенствования человека и общества, осуществлял свое призвание философа в наивысшем понимании этого слова, претворял в жизнь свое учение, приобретая авторитет признанного мудреца и наставника» [7].

В 4-й квадре «испытывают переполющую человека любовь к ближним, ощущают огромную ценность теплых человеческих отношений, солидарности и дружбы. Такие чувства сопровождаются смирением и намерением принять участие в оказании помощи и совершении добра. Неразумные амбиции, жажда денег, статуса, престижа или власти кажутся абсурдными желаниями... Мироощущения в квадре «*Бета*» сочетаются с прагматическими устремлениями», — замечает и А. В. Букалов [12].

Приведем высказывания Г. Сквороды, подтверждающие отклоняемые квадрой «*Дельта*» ценности: «Настоящая человечность и настоящая мудрость не там, где власть и пышность, а в глубине народа, в его сыновьях, выросших в труде и вечной нищете». «Нехай у тих мозок рвется, кто високо в гору дметься. Від орденів та золота ніхто не став мудрішим, талановитішим»⁸. И — совпадающие с квадратальным идеалом: «Республика, в которой хотел бы жить и я, будет страной любви, дружбы, труда! В ней не должно быть вражды и раздора. Законы — гуманные, мудрые, противоположные тем, что процветают при тирании... Великое братство, союз содружества людей, объединенных по призванию и стремлениям, — вот что такое республика, которая придет на смену царству тьмы!» [3].

Далее — еще о 4-й квадре: «Усиливается тонкость восприятия естественной красоты, а простой бесхитростный образ жизни в единении с природой представляется наиболее желательным видом существования.» [12]. Именно такой образ жизни вел странствующий фи-

⁸ Пусть у тех мозг рвется, кто высоко вверх прется. От орденів и золота еще никто не стал мудрее, талантливей (укр.).

лософ: «Его пристанищем были сельские хаты, пасеки, сады. Сковорода был непритязательным, но не аскетом» [3].

Можно сказать, замечает д. ф. н. А. Мисуно, что Сковорода своей философией определенным образом опередил время на целую эпоху. Такое опережение недешево обошлось философии и ее творцу. Ведь при всей нацеленности в будущее Сковорода — сын своего времени. И вступая в противоречие с эпохой, породившей его, оставаясь чужим и непонятным представителям господствующего стиля философского мышления еще на протяжении почти столетия после смерти, он оказывается неотвратимо приговоренным к внутренней противоречивости собственной концепции, в которой прозрение будущего соединялось с элементами той культуры, в рамках которой сформировались взгляды философа [7].

Да, то было время явно не квадры «Дельта»! «Очередь квадры «Дельта» с ее культом стабильности и духовности наверняка еще придет» — уверен автор закона сменяемости квадрант [12].

6. Анализ модели «А»

6.1. Программная этика отношений

Проанализируем программную функцию. По предыдущему материалу видно, что именно этика задавала программу всей жизни Гр. Сковороды и была базовой в его философском учении. «Наука о человеке и его счастье — важнейшая из всех наук» [3].

Оригинальность Г. Сковороды как мыслителя в том, что он рассматривал свое творчество как «веселіє», «гру» сердца. Он сделал свою жизнь способом реализации практических действий относительно утверждения собственных идеалов. Этого у него не отнять, и благодаря такой своей жизнедеятельности, сердечности и искренности своих чувств он и снискал уважение и популярность среди всех слоев населения.

Под философией Сковорода тоже понимал прежде всего **любовь**, любовь к мудрости. Такое понимание философии, как заметили историки философии, и обусловило специфичность его философских взглядов: не просто постановка и систематическая разработка тех или иных проблем, а и специфичность направленности и метода философствования.

Этика Сковороды проникнута оптимизмом и верой в лучшее будущее человечества и не совместимая с церковным учением о врожденной греховности человека [13].

Программная функция представляет собой сознательное, управляющее начало в человеке [14]. В программу входят главные жизненные, смыслообразующие цели, реализация которых выражает индивидуальный смысл существования человека... Субъект по данной функции обладает полностью обоснованным знанием. Здесь закладывается стратегия жизнедеятельности человека. Если человек действует согласно составленной программе, его мироощущение и мирозерцание оптимистично. В таком случае человек реализует себя как личность.

Поэзия Григория Сковороды оптимистическая, жизнеутверждающая. Он пропагандировал идеи свободного труда во имя трудового народа, счастье, веру в светлое будущее. Ее пронизывали мотивы воспитания человека в духе служения народу, трудолюбия, честности и благородства. Поэтический сборник «Сад божественных песен» на самом деле не содержит ничего религиозного, это прославление идей гуманизма, истины. В стихах поэт призывает к самопознанию, моральному совершенствованию, воспекает красу природы, рисует явления социальной жизни, критикует общественные и личностные недостатки.

Будучи человеком мягким и тактичным, но не в силах молчать о столь очевидном для него попрании прав народа, беззаконии и аморальности, Сковорода первым из украинских литераторов создал сборник басен, где иносказательно высмеивал пороки современного ему общества и прославлял благородные черты трудового народа: трудолюбие, честность, разум, добропорядочность. Понятно, что значительное место в баснях занимала мораль, у него — «сила».

Обратимся к его думам.

«Відчувши в серці терпку журбу-тривогу за тими соколами...»⁹ [3].

«... нестерпно хтілося звернутись до них (приниженого, забитого, темного люду — Л. С.) зі словом правди, зірвати з них облуду, в яку закутали їх ті лицеміри в рясах, розкрити очі, навчити кожного самоповаги, гідності. Але не міг, не вистачало сили і мужності, а може й сам був скований залізом звички, сумнівів...»¹⁰ (Там же).

Лейтмотивом его (*этико-интуитивного интроверта* — Л. С.) программы является лозунг о любви, дружбе, братстве [14]. Он выступает против насилия, за толерантность и взаимопонимание. «Терпимость — рычаг прогресса, движения вперед. И где ее нет, там не бывает правды, свободы, движения, ибо из противоречий рождается большая и светлая истина.» [3].

Мышление ЭИИ носит эмоционально-чувственный характер. Программа составляется с точки зрения достижения положительного эмоционального состояния (см. «веселие сердца»). Она ориентирована на согласованность с выработанными в процессе жизни нравственными нормами, носящими, как правило, общечеловеческий характер. Все это мы отмечаем у Г. Сковороды. Он не ограничивался проповедованием только личного счастья, а осознавал важность общественной жизни, в которой счастлив тот, «кто связал свои частные обязательства с общими».

Вспомним недоумение *логика* Д Чижевского: «Философский стиль Сковороды — это своеобразный поворот философского думанья от формы мышления в понятиях к какой-то первичной форме мышления — к мышлению в образах и через образы. Он возвращается от терминологического использования слов к символическому их использованию. Сковорода приспособливает богатство философской терминологии к своему стилю думанья: понятия становятся символами». Далее Чижевский размышляет: «Что побудило мыслителя к этому повороту? Почему образованный философ, выпускник Академии, обращается к этой «первичной» форме мышления? Ответ на эти вопросы может дать очень много для нашего понимания творчества философа, и искать его нужно в сути образного мышления Сковороды» [6]. Совершенно справедливо! Между «разноклубными» *интуитами периферийного* социума весьма сложное «взаимопонимание», и о его объективных причинах философам нужно хотя бы знать [17].

6.2. Творческая интуиция возможностей

Вторая функция модели А более активная, довольно сильная (трехмерная), претворяющая в жизнь программу первой, поэтому ее еще называют **реализационной**. Именно по второй функции индивид выдает новые оригинальные идеи, мысли, совершает нестандартные поступки [14]. Учение Г. Сковороды о «сродном труде» — блестящее подтверждение «*черноинтуитивности*» его второй функции. Что же касается нестандартных поступков — здесь та же ▲. Как-то 72-летний Сковорода вдруг принялся копать в саду. Когда его спросили, что это он делает, он ответил: «Собі могилу. Сьогодні я помру»¹¹. Выкопав яму, он пошел в дом, переоделся во все чистое, лег на лежанку, подложил под голову книги, сложил руки на груди — и отошел в мир иной.

Немало исследований посвящено Г. С. Сковороде в связи с его юбилеями. Так, в научном сборнике [4] находим подтверждения того, что все в его взглядах, стремлениях и поступках говорило о глобальности его мышления, высокой духовности, презрении к культуре вещей и высоким должностям. Ему интереснее было постигать свои природные способности, задатки, к чему он призывал и других. И не только постигать, но и действовать, добросовестно отдаваться только «сродному» труду, соответствующему этим задаткам.

⁹ Почувствовав в сердце терпкую печаль-тревогу по тем соколам.

¹⁰ ... нестерпимо хотелось обратиться к ним (приниженому, забитому, темному люду) со словом правды, сорвать с них обман, в который закутали их те лицемеры в рясах, раскрыть глаза, научить каждого самоуважению, достоинству. Но не мог, не хватало сил и мужества, а может быть и сам был скован железом привычки, сомнений...

¹¹ Себе могилу. Сегодня я умру.

Зная себя, он понимал, что ни бытовые заботы, ни солдатская служба, ни труд пахаря или сеятеля — не для него. Именно поэтому он оказался странствующим философом и «честно сбежал» из-под венца, понимая, что семейные узы окажутся путями для него и для его философии. А он принадлежал не одному себе — миру. Его «сродный» труд — это труд теоретический, философский, просветительский, напутствующий, образумляющий, труд наставника и воспитателя.

В произведении «Розмова, звана алфавітом, чи буквар світу...»¹² автор ставит проблему, которую решает в диспуте пяти человек. Диспут начинается с оценки разнообразнейших профессий, которая, по мнению диспутантов, должна быть самой главной, т. к. человек может быть счастлив только при условии, что выбрал себе профессию, отвечающую призванию. Главное — родственный труд. В нем заложена первооснова человеческого счастья. Для этого необходимо, прежде всего, познать себя. Счастье — в познании и совершенствовании природных способностей. «Багатством живиться лише тіло, а душу звеселяє споріднена праця»¹³ [3].

Он был убежден, что каждый человек имеет природные склонности к определенному роду деятельности, который может сделать его истинно счастливым, т. к. работа по призванию, врожденным способностям и одаренности — это желанная работа, которая выполняется с удовольствием и наслаждением. Этому вопросу Г. Сковорода придавал большое социальное значение. Причиной всего неразумного, изуродованного в обществе он считал работу без призвания, работу по необходимости, принудительную работу или работу для обогащения.

А вот «сродный труд сделает нужное нетрудным, а трудное — ненужным», — считал он. Кроме того, счастье человека состоит в том, чтобы, познав собственные способности, в соответствии с ними и найти себе применение в жизни. Так, многие богословы были бы, возможно, лучшими стряпчими, многие ученые — курьерами, многие судьи — пахарями, военачальники — пастухами, монахи — продавцами и т. д. [15].

6.3. Контактная структурная логика

На наш взгляд, своевременное наполнение функций ментального кольца привело Г. Сковороду к «непревзойденным успехам в науках и гармонии в жизнедеятельности» [15]. Родители его были довольно простыми, скромными людьми среднего достатка и своей честностью, правдивостью, гостеприимством и миролюбием выделялись в своем кругу. Их сын уже на седьмом году жизни отличался талантом к музыке, склонностью к наукам и твердостью духа (адекватной положительной самооценкой, надо полагать, которой способствовали благоприятные отношения в семье). Учиться Грицька отдали по его желанию, и он быстро превзошел своих ровесников «успехами и похвалами».

Со временем круг наук, преподававшихся в Киеве, показался ему недостаточным, он пожелал увидеть чужие края и охотно пользовался любой возможностью для этого. В Венгрии, Австрии, Германии и т. п. он старался знакомиться больше всего с людьми, известными своей ученостью и знаниями. Он хорошо знал латынь, немецкий, был знаком с греческим, еврейским (вполне соответствует званию «лингвист»), что помогло ему получить знания, недостижимые на родине.

Контактная функция, в соответствии со своим названием, «включается» в процессе взаимодействия, т. е. работает достаточно постоянно, подобно программной. Итог обработки информации этой функцией — система поведения и совокупность высказываний, по которым другие индивиды формируют представление о данном индивиде [14]. Г. Сковорода и производил такое впечатление: «В нем гармонично сочетались наука и этика» [1]. «Жизненное поведение Сковороды целиком основывалось на синтезе эмоциональной и рациональной сфер жизни человека». Причем за рациональное принималось, конечно, логическое. «У Ско-

---

¹² Разговор, названный алфавитом.

¹³ Богатством птається дишь тіло, а душу веселит родственный (сродный) труд.

вороды нет недостатка в теоретической философии, но главным для него в человеке являются не «теоретические познавательные» способности, а более глубокое эмоционально-волевое начало человеческого духа — сердце человека, из которого поднимается, вырастает и мысль, и стремление, и существование» [там же].

«Ночь была для него местом успокоения от умственного напряжения, незаметно истощающего телесные силы», — писал со знанием дела о нем М. Ковалинский, имевший такую же □ в блоке СУПЕР ЭГО [15].

Сковорода, подчеркивает Д. Чижевский, не уделял большого внимания теоретической обработке, оформлению, систематизации своих философских идей. Поэтому говорить о его метафизике, онтологии, гносеологии можно в определенном значении очень осторожно, т. к. законченной системы у него нет, как нет окончательного, основательного ответа на все вопросы, которые может поставить систематик-философ [6]. Таким образом, понятно, что «системная логика» была у Г. Сковороды не *первой* функцией, а значит — *третьей*.

6.4. Мобилизационная волевая сенсорика

Будучи убежденным противником всякого насилия, Г. Сковорода стремится развенчать негативные явления феодального общества, раскрыть всю подноготную его законов, аморальное поведение нещадно эксплуатирующих народ крепостников: «Панський будинок шумить от гостей, как кабак» [3], «Тех беспокоит Венерин амур». И в своей поэзии он делает акцент на своеволии и распушенности, господствовавших среди украинских помещиков, которые были далеки от интересов крестьян. Но все это большей частью иносказательно, в баснях и философских диалогах. «Философия Г. Сковороды не имела ничего общего ни с так называемой «революционностью», ни с «борьбой с эксплуататорами» (которые приписывали ему в советское время — Л. С.), — замечает В. Войтович во «Введении» к сборнику писателя «Пізнай в собі людину». [16]

Читаем в [14] о *четвертой* функции ЭИИ. «Он оценивает действие своего собственного образа с точки зрения твердости и настойчивости в отстаивании своих жизненных позиций. Однако ЭИИ удается только пассивная защита своих убеждений и интересов. Не может проявить активность в волевом давлении на других...» [14]. Сравним с мыслями Г. Сковороды: «...нестерпно хтілося звернутись до них (приниженого, забитого, темного люду — Л. С.) зі словом правди, зірвати з них облуду, в яку закутали їх ті лицеміри в рясках, розкрити очі, навчити кожного самоповаги, гідності. Але не міг, не вистачало сили і мужності...», «... поколошматив би (недолугого пастиря — Л. С.), дарма що досі не зачепив нікого й пальцем...»¹⁴ [3].

А вот мнение исследователей его творчества: «Он осуществлял «побег от порабащающего мира» [4].

Ясно проявляется «*болевая*» функция в раздумьях Г. Сковороды о принципиальном различии между ним и тем, кого он считал своим учеником, чуть ли не сыном — Михаилом Ковалинским: «Было до боли досадно, что в голове у Михаила сидела крепко какая-то странная поповско-панская философия и что ее никак не выбить, не растопить льда, который уже полгода стоит меж ними и губит нежные ростки еще молодой приязни. Хотя в этом была и своя приятность — соревнование, борьба» [3]. В последнем же утверждении видим и основную роль четвертой функции — мобилизующую. А «соревнование» было у них между 2-ми и 4-ми функциями, т. к. Ковалинский оказался не «тождественным» типом, а «родственным», о чем — позже.

Еще «в упрек» ●, которую Г. Сковорода с сильной ▲ «подозревал» в «программе» господствующего класса, он ставил слабую мудрость и жажду власти: «Еще не было таких властелинов, которые б дружили с мудростью. Минерва горда, а испокон веку цесари при-вечают тех, кто умеет хорошо ползать и лизать царские ноги» [4].

¹⁴ Поколотил бы того (никчемного пастиря), даром что до сих пор никого не зацепил и пальцем...

● была настолько «болевой», что даже в своем учении о «сродном труде» мыслитель находит ей место: «Понятно, что такой труд предусматривает отсутствие экономического или внеэкономического принуждения и отсюда — общественных сил, которые бы препятствовали практическому выявлению способностей любого человека» [там же].

6.5 Суггестивная деловая логика

Слабость *деловой логики* Г. Сковороды находит свое выражение в том, что он не умеет, как уже было показано, отстаивать свои материальные интересы, склонен отдавать свою силу и энергию, не заботясь о материальном вознаграждении [14].

«Возвратившись из чужих краев, преисполненный учености, сведений, знаний, но с пустыми карманами...» [15]. Будучи уверенным в своем знании поэтики («*клуб гуманитариев*», деятельность по сильным функциям) и не пожелав учить ей по традиционным образцам обучения, Сковорода был выгнан из Переяславского училища «не с честью» [там же]. Нужда его усложнилась до крайности, но его неприязнательность (и чувство правоты, добавили бы мы) поддерживала в нем его веселость. Сковорода не смел просить о помощи и так переносил нужду скромно, молча, терпеливо, покорно, не имея тогда ничего, кроме двух старых сорочек, одного кафтана, пары ботинок и пары черных чулок.

В харьковском училище по местной инициативе были введены новые науки под названием «дополнительные классы», учрежденные Екатериной II. Сковороду пригласили вести «Правила добродетели», сочтя его самым достойным. Так он с огромным желанием принял это предложение и не захотел брать предназначенной за этот курс платы, считая, что удовлетворение, которое он получает, будучи в этом случае полезным в точном соответствии со своей склонностью, заменяет ему любую награду [16].

Будучи выгнанным позже и из семьи известного дворянина Томары (где служил учителем его сына), Г. Сковорода снова остался без места, еды, одежды, но не без надежды. Не выбрав себе постоянного пристанища ни в монастыре, ни в учебных заведениях, ни в женитьбе, Сковорода почувствовал вкус к свободе от суеты и жизненных страстей в убогом, но беспечальном состоянии, в одиночестве, но без дисгармонии с самим собой [15].

Кроме того, многим известен перфекционизм ЭИИ, имевший место также и у Сковороды.

6.6 Активационная сенсорика ощущений

Условия гармонии с внешним миром создают ЭИИ атмосферу, наиболее благоприятную для его эффективной работы [14]. Именно поэтому, имея миссию «Писатель», «Творческий человек», он всем хоромам и кельям, не однажды предлагаемым ему «сильными мира сего», предпочитал общение с родной украинской природой. «Десятый день Григорий пил густой воздух и не мог напиться. Там, за Карпатами, он был нежнее и мягче, но не пах степью, не освежал его души. Десятый день лежал он на возу и глаз не сводил с тополей, березок и вишняков...». «Бывало, сядут хлопцы, вздохнут, затоскуют и запоют тихо: «Ой гей, маты! Ой гей, маты!». А он стоит и плачет. Вокруг — рай да и только, а он летит на крыльях песни в свою Чернуху, в Киев...» [15].

«Поспевшие груши, как золотистые капли, свисают с веток. Кричат на весь мир от радости, порхают с куста на куст пушистые птенчики. А вон высоко в небе плывут косматые копы сена...». «Пел и плакал, и соколом носился над родной степью, не мог налюбоваться ее красотой, не мог напиться целебных запахов. ...И золотистым лесом над Днепром пошел в сторону Подола. Старые дубы и клены простирали над ним свои могучие руки и застилали тропинку желтогорячей листвой. Он обнимал их, гладил. Рассказывал про печаль, точившую сердце; рассказывал без слов, душой, и грубокорые великаны внимали ему» [все — там же].

«Ему лучше всего думалось на вольной воле, среди природы, под небесами» [3]. «Это недалеко да и красиво там — леса, левады, воды. И тишина, покой.... Поставить там себе курень, возле родника, в дубраве, и, вроде Гораций, служить музам, думать и любо-

ваться красотой вечной природы... Так это ж чудесно!» — думал Григорий, получив очередное приглашение от знакомых [там же].

6.7 Контролирующая (ограничительная) этика эмоций

ЭИИ в повседневной жизни осуществляет постоянный контроль за предупреждением негативных эмоций во взаимоотношениях. Как правило, ему это удается, т. к. он обладает развитой способностью к эмпатии [14].

Встретив Григория, давний товарищ, сотник, настойчиво приглашал его пойти к нему — чаркой отметить «благословение на должность» преподавателя поэтики в Коллегиуме. «Спасибо, брат, — поблагодарил Григорий. — Зайду и выпьем, только не сейчас: у меня ж лекции! Дрожу, как осиновый лист, и переживаю...» — «Тем более надо выпить. Я, ... чтобы смелее было...так выпивал кварту! Ивась! Ивась!» — позвал племянника. — «Побежал в Коллегиум, — сказал Григорий мягко. — И мне тоже пора» [3].

После нелिцеприятного разговора с епископом по поводу его самоволия в преподнесении поэтики (подумать только — на украинском языке вместо священной латыни! — Л. С.) «устал думать, взвешивать, искать способ сделать так, чтобы и козы были сыты, и сено цело» (там же).

Вот еще образец его общения.

«Услыхав брань товарища своего Каллиграфа, Сковорода приблизился к нему и спросил негромко, чтоб не услышали мужики, примостившиеся недалеко под возом. «Чего ты нудишь миром? — Кто, я? — притворился удивленным Каллиграф. — Ну не я же. — Тебе показалось. Гриша. У меня в душе трубы поют архиерейские. Мир. Благодать... — Тогда чего ты на всех рычишь, как лев голодный? — Каллиграф нахмурился. — На кого же я рычал сегодня? — На корчмаря. — О господи! Это же иудей! — Человек. — Проклятое племя, обдиралы. — А ты разве не из этого роду-племени? — Я — православный, слышь! И не лепи меня к этим истязателям Иисуса! — Я и не леплю. Интересуюсь, — остановил его Григорий. — Чем? — Мне не верится, что может иметь душевный мир человек, который пренебрегает своим народом, верой, языком... — Ну, это уже ересь. Ты уговариваешь меня вернуться в иудаизм?! — Нет, я говорю, что все прекрасно лишь на своем месте, тогда, когда оно естественное, чистое и неподдельное. — Тогда чего же ты в облезлых штанах и дырявой шапке, похожий на шелудивого кота? — засмеялся злобно Каллиграф. — Это недостойный способ проводить диспут, — спокойно сказал Сковорода. — У нас о душе речь идет, а не об одежде. — У кого деньги, достаток, у того и мир душевный, — не унимался поп. — Бред. Богатство в нас самих, а не в деньгах, усадьбах и чинах. — Ты как ребенок, Гриша, — произнес свысока Каллиграф. — Этакий глупенький котик, не желающий признавать превосходства льва. — А по мне, — не оставался в долгу Сковорода, — так лучше быть настоящим котом, чем с ослиной душой львом» [3].

Кроме того, он постоянно ограничивал внешнее проявление собственных эмоций: известно, что у ЭИИ вроде как маска на лице.

6.8 Демонстрационная интуиция времени

В повседневной деятельности ЭИИ демонстрирует хорошую ориентацию в ближайших перспективах, которая основывается на осведомленности о многих событиях и явлениях жизни [14]. Приведем цитаты из биографического сочинения В. Шевчука.

Высоконравственный, целомудренный Сковорода пришел в ужас, когда ему передали сплетни о его отношениях с юным Михаилом Ковалинским. «Упал на лежанку и почувствовал, как грудь, сердце стискивает страх за друга. Что будет с парнем, когда невежды ему «откроют глаза»?!» [3].

Когда его собратья по учебе сбежали из бурсы в Петербург, «в голштинцы»: «Нашли, куда бежать, — сокрушался Сковорода. — Становиться мечом, топором в руках поработителей народа ... — Вы что-то страшное говорите, — прошептал ему Михаил в затылок. — Что в мире делается, то и говорится. Ты ж не слепой, глянь вокруг — грабят, ду-

шат, продают!» (там же). «А что делать? Что может спасти народ, государство, веру? — взволнованно спросил Михаил. — Республика! — промолвил твердо Сковорода. — Республика?! — ужаснулся Михаил». То, как философ представлял себе республику, мы уже рассматривали в п. 5. «Когда ж это будет? — Скоро. Чем больше гнуть пружину, тем быстрее и сильнее она распрямится. Нет ничего вечного... И неволя канет в Лету».

Еще разговоры с Михаилом К. [3]: «Вот соловьи слетятся... — А скоро? — Скоро. Через неделю будут». «А там (в пещерах Лавры — Л. С.) еще и до сих пор живут пустынноики, которые питаются лишь акридами? — Живут. При людях, днем. А на ночь идут в кельи и разговляются, как в Рождество. — Святые пустынноики? — переспросил Михаил пораженно. — Святых нет, есть лицемеры». «Он давно знал цену царям и их прихвостням, что стелют мягко, а спать ой как жестко!».

Столкнувшись в очередной раз с криводушием и подбадривая своего товарища на пути истинном: «Человек может все, — сказал Сковорода и сразу почувствовал, что сил не хватит пробыть долго в Киеве. Тянуло в степь, на волю, к простым людям, сирым, нуждающимся, убогим, но не лукавым, как эти бывшие друзья-мечтатели, а нынче сытые пастыри, отчимы, полные злобы».

Вступившись за товарища, Григорий вызвал нарекание епископа: «Из-за таких, как он, в Петербурге на нас и до сих пор злым глазом смотрят, да и краем ходит смута... — А то б давно ходили все в крепостных, — добавил Григорий» [3].

Узнав о том, что Учителя в очередной раз прогнали из Коллегиума, Михаил заплакал: «Проклятый мир, проклятые люди! — крикнул в отчаянии. — Не нужно так, — остановил его Григорий. — И люди, и мир прекрасны. По выродкам не следует судить о своем народе и человечестве. Учись. Думай и сей знания вокруг. Тираны могут править лишь в страхе и тьме. Но не вечно ж стоять ночи. Когда-нибудь настанет утро!» [15].

Как-то Сковорода с удовольствием жил в монастыре под покровительством своего родственника Юстина, в Киеве. «И вдруг заметил в себе непонятное движение духа, побуждавшее его уехать из Киева... Его уговаривали остаться. Григорий неумолимо настаивает, чтобы его отправили. Родственник закликает всеми святыми не покидать его. Тогда Сковорода обратился к другим своим приятелям, чтоб отправили его из Киева. Они его удерживают, он отказывается: ему, де, дух настойчиво велит отбыть из Киева. Тем временем пошел он на Подол, нижний город в Киеве. Придя на гору, откуда сходят на Подол, он вдруг почувствовал такой запах трупов, что не мог стерпеть и сразу вернулся домой. Дух еще убедительнее погнал его из города, и он к неудовольствию отца Юстина выбрался в дорогу в тот же день».

До нового места добирался Григорий две недели, и тут же пришла весть, что в Киеве начался чумный мор, о котором во время его пребывания не было и слышно, и что город уже закрыт [15].

Также почуяв угрозу своей свободе, «Григорий был неумолим: горе той бабочке, которая кружит возле огня», и оставил «опасный» хутор. Свои неприятности он всегда предчувствовал: «Земля пекла подошвы, давили стены, стискивало сердце в предчувствии чего-то тяжелого, хмурого...» [3].

7. Проверка соционического типа отношениями

Известно мнение А. Аугустинавичюте: ТИМ нельзя считать определенным, пока он не проверен отношениями. Учитывая, что для белого этика отношения — на первом месте, их не так уж трудно обнаружить в трудах и жизнеописаниях Г. Сковороды.

Разрабатывая концепцию самопознания, Г. Сковорода не отрицал роли и значения научно-технического прогресса, но отмечал недостаточность его для человеческого счастья, считая более важной для достижения счастья науку о человеке. В соответствии с этим социальный прогресс ставил в зависимость не от познания внешней природы, а от познания и усовершенствования духовных потенций человека, его способностей. ... Найти себя — вот в

чем должен состоять смысл жизни человека. В этой позиции мы усматриваем отношение «социального контролера» к ИЛЭ.

«Может, ни об одном философе в мире не высказано таких противоположных мнений, как о Сквороде», — считает В. Войтович [16].

Нельзя не заметить, что самые негативные мысли Г. Скворода проявляет по отношению к власти имущим и жаждущим, т. е. в большинстве своем — «носителям» ● — значит, ●□ (СЛЭ) и/или ●□ (СЭЭ). А это его «конфликтер» и «ревизор» соответственно, что и требовалось доказать.

Далее. На жизненном пути повстречался Григорию Саввичу молодой человек (сын товарища), скромный и застенчивый, как он сам: «Он застыдился; на худощавых его щеках заиграл легкий румянец и затрепетали ресницы...» [3]. Отчасти поэтому сначала Г. Скворода принял его за своего «тождика»: «Если бы юноша сказал, что он тоже Григорий Скворода — не удивился бы, не возразил» [Там же]. Радости мыслителя от встречи с родственной душой не было предела: «...и слушал собственную душу. В ней что-то творилось дивное. Перекачивались одна за одну щемительные волны радости, ударяли в грудь, в голову и наливали тело удалью, мощью, силой. С ним еще не было такого. Разве что тогда, когда любил Марьяну... Нет, то что-то совсем другое. То молодое бурление, жажда счастья. А это — жажда продолжения, желание устоять в борьбе со временем, с самой смертью...» (Там же). «Уже был уверен, что этот юноша отныне станет его наилучшим другом и **побратимом**... Он для Михаила будет поводырем и светочем».

«Черный интуит» Скворода понимал, что такой юноша может быть его учеником. Но полного взаимопонимания не получалось: со временем «Михаил стал избегать своего нового, непонятно мудрого и страстного учителя». Ясно, что Михаил — не «тождик». Далее покажем, что это «родственный» тип. Вопрос задает учитель Скворода: «Ты любишь весну? — Когда уже тепло и зелено. — А я и такую. Благословенна пора обновления, когда жизнь, притаившаяся в почках, в зернах, в корнях, пробуждается, собирает силы, волю, чтоб из прошлогоднего мусора и праха рвануть вверх молодостью, веселой зеленью. Господи, что может быть радостнее!» — разговор интуита с сенсориком.

Еще разница в реализационных функциях. «Григорий остановился, слепил большой снежок и забросил его в монастырскую стену. «Вон люди смотрят... — сказал Михаил с упреком. — Ну и что? — Не пристало нам, солидным людям... — Чепуха. Не пристало зло творить. А веселиться, радоваться дружбе, солнцу... — Мы же не маленькие дети». Строгий морализатор с отрицательной □ — это ЭСИ, □● — «родственник»: одна такая мама говорит с упреком дочке: «Ты же взрослая девочка!». Дочке было 4 года.

Далее член третьей квадры раскрывается в своих мечтах и страхах. «Если бы мне его пернач, его поместья, села и больше тысячи навеки подданных, я был бы тоже счастливый!! — Глупый ты, парень, — сказал Скворода резко. — Разве ж в этом счастье? — В дорогой одежде, в сытой еде, питье да во всяких утехах! — не унимался Михаил» [3].

«Вы что-то странное говорите... — промолвил юноша испуганно. — По-вашему, и царь, и барин, и подданный — все одной кости... А совершенство, которым высшие положения...» — «Совершенство человека в том, насколько он способен приносить добро и пользу ближнему». Это ценности квадры Дельта. «Вон гляньте, гляньте! — прошептал Михаил испуганно и спрятался скорей за ворота» [3].

Потребность мыслителя в самоидентификации также «выдает» одинаковую с учеником программную функцию. Вот разговор Гр. Сквороды с товарищем по Академии: «Он мой товарищ, друг!» — горячился Григорий. — «Разве среди нас нет достойных быть твоими друзьями?» — «Есть, есть. Ты, например. Но нет такого. Он вроде сын мне, вроде второй я!» (Там же).

А вот очередное свидетельство того, что **восприятие интуитов и сенсориков** настолько разное, что иногда — как обухом по голове. А также подтверждение того, что в окружении философа было очень мало близких ему по духу людей, хотя он — носитель вроде бы интегрального ТИМа Украины... Тот же товарищ — об отношениях Григория Сав-

вича с Михаилом Ковалинским: ««А люди говорят, что это не дружба, а древнегреческий эрос...». Григория как колом ударили... Хватил воздух ртом: «Воистину, кого господь покарать хочет, то отбирает разум!» Боже! Из выси, где лишь орлы, упасть в тину, где свиньи!...» [Там же].

А вот свидетельства самого Михаила Ковалинского (о себе в третьем лице). «Юноша этот (избранный Сковородой в ученики — Л. С.)..., услышав от Сковороды противоположное тому, чему учили «полуученые» школьные учителя и частично — монахи, и не способный согласовать в своем понимании новые правила со старыми, наблюдая же действительно его честную, целомудренную, образцовую жизнь, сомневался сам в себе и душевно сожалел, что такой честный муж имел несогласные с учеными мысли и правила, особенно относительно морали и духовных знаний, а потому и **ошибался** (выделено мной — Л. С.). Ведь все книжники-наставники его, да и весь мир, словом и делом убеждали его, что счастье человеческое состоит в том, чтобы иметь всего вдоволь: много еды, много питья, много одежды и в удовольствиях бездейтельно веселиться. Сковорода ж начал говорить ему, что то все не нужно. Так и жил» [15].

Несмотря на то, что философ долгое время проводил с Михаилом, обучал его, системы «Учитель — ученик», характерной для тождественных отношений, они не составили и в конце концов отделились друг от друга. «Мундир, чины, походы! ... — мечтательно говорил юноша. — Из человека свободного стать куклой, которой играют никчемые? — спросил сурово Сковорода». «Наилучший друг, Михаил (когда окончил Коллегиум — Л. С.)..., подался искать славы и чести ... Мир праху вашему, слова и мысли, высеянные на сердце ближнего! ...» — с горечью подумал Учитель [3]. Подтверждает это и Михаил К.: «Он любил сердце его (Учителя — Л. С.), да сторонился его разума; уважал жизнь, но не принимал умом его рассуждений; уважал достоинства, но чуждался его мыслей; видел чистоту поведения, но не познавал истины разума его; хотел бы быть другом, но не учеником его» [15].

Таким образом, в результате проделанного анализа можно сделать вывод о принадлежности Григория Сковороды к соционическому типу *этико-интуитивный интроверт* (ЭИИ), квадрата «Дельта».

Л и т е р а т у р а :

1. Багалій Д. Український мандрівний філософ Григорій Сковорода. — К., 1992.
2. Гуленко В. В. Соционика для руководителей. В двух частях. Часть 1. Введение в соционику. — К.: МЗУУП, 1993. — 128 с.
3. Шевчук В. Григорій Сковорода. — К.: Радянський письменник, 1969. — 320 с.
4. Сковорода Григорій: дослідження, розвідки, матеріали: зб. наук. праць / АН України, Інст. Філософії. — К.: Наука, 1993. — 382 с.
5. Удалова Е. А., Бескова Л. Уроки соционики, или Самое главное, чему нас не научили в школе — М.: Астраль, АСТ, 2003.
6. Чижевський Д. І. Філософія Г. С. Сковороди. — Х.: Прапор, 2004. — 272 с.
7. Місуню А. В. Філософія: Конспект лекцій. — О.: ОНПУ, 2006.
8. Юнг К. Г. Психологические типы / Под ред. В. В. Зеленского. — Мн.: ООО «Попурри», 1998. — 656 с.
9. Филатова Е. С. Личность в зеркале соционики. Разгадка тайны двойников. — СПб.: Б & К, 2001. — 286 с.
10. Петрушенко В. Л. Філософія. — К.: Л.: Каравела, Новий світ, 2000, 2002. — 544 с.
11. Молодцов А. В. Практикум по прикладной соционике. — К.: МЗУУП, 1993.
12. Букалов А. В., Бойко А. Г. Соционика: Тайна человеческих отношений и биоэнергетика. — К.: Сторна Украина, 1993. — 65 с.
13. Огородник І. В. Українська філософія в іменах. — К.: Либідь, 1997. — 328 с.
14. Гуленко В. В. Соционика для руководителей. В двух частях. Часть 2. Основы социоанализа. — К.: МЗУУП, 1993. — 128 с.
15. Ковалинський М. І. Життя Григорія Сковороди // Сковорода Григорій. Пізнай в собі людину. — Львів: Світ, 1995. — С. 10-44.
16. Войтович В. Предтеча месії України // Сковорода Григорій. Пізнай в собі людину. — Львів: Світ, 1995. — С. 5-9.

17. Соломко Л. Р., Мисуно А. В. Соционика как инструмент адекватного восприятия человека человеком (на примере работников умственного труда) // *Філософські пошуки*, Вип. XVII-XVIII — Львів-Одеса: Cogito-Центр Європи, 2004. — С. 340-355.

Статья поступила в редакцию 05.10.2007 г.